

ПРЕЛЮДИЯ

Не станешь ведь ты отрицать, дорогая подруга моя, что есть существа — не люди, не звери, а странные какие-то существа, которые родились из злосчастных, сладострастных, причудливых мыслей?

Добро существует — ты знаешь это, дорогая подруга моя. Добро законов, добро всяких правил и строгих норм, добро великого Господа, который создал все эти нормы, эти правила и законы. И добро человека, который чтит их, идет своим путем в смиренности и терпении и верно следует велениям доброго Господа.

Другое же — князь, ненавидящий добро. Он разрушает законы и нормы. Он создает — заметь это — *вопреки природе*.

Он зол, он скверен. И зол человек, который поступает так же. Он дитя Сатаны.

Скверно, очень скверно нарушать вечные законы и дерзкими руками срывать их с железных рельсов бытия.

Злой может делать это — ему помогает Сатана, могущественный властелин. Он может творить по своим собственным, горделивым желаниям и воле. Может делать вещи, которые разрушают правила, переворачивают природу вверх ногами. Но пусть он остерегается: все только ложь и обман, что бы он

ни творил. Он поднимается, возрастает, но в конце концов падает в своем падении высокомерного глупца, который его придумал.

* * *

Его превосходительство Якоб тен-Бринкен, доктор медицины, ординарный профессор и действительный тайный советник, создал эту странную девушку, создал ее вопреки природе. Создал один, хотя мысль о создании ее и принадлежала другому. Это существо, которое затем окрестили и назвали Альрауне, выросло и жило, как человек. До чего она ни касалась, все превращалось в золото; куда она ни смотрела, всюду возгорались дикие чувства. Но куда ни проникало ее ядовитое дыхание, всюду вспыхивал грех, и из земли, на которую ступали ее легкие ножки, вырастали бледные цветы смерти. Одного она убила. Это был тот, который придумал ее. Франк Браун, шедший всю жизнь возле жизни.

* * *

Не для тебя, белокурая сестрица моя, написал я эту книгу. Твои глаза голубые, они добрые, они не знают греха. Твои дни точно тяжелые гроздья синих глициний, они падают на мягкий ковер: легкими шагами скольжу я по мягкой скатерти, по залитым солнцем аллеям твоих безмятежных дней. Не для тебя написал я эту книгу, мое белокурое дитя, нежная сестрица моих тихих мечтательных дней... Я написал ее для тебя, для тебя, дикая греховная сестра моих пламенных ночей. Когда падают тени, когда жестокое море поглощает золотистое солнце, тогда по волнам пробегает быстрый ядовито-зеленый луч. Это первый быстрый хохот греха над смертельной боязнью тре-

петного дня. Грех простирается над тихой водой, вздымается вверх, кичится яркими желтыми, красными и темно-фиолетовыми красками. Он дышит тяжело всю глубокую ночь, извергает свое зачумленное дыхание далеко во все стороны света.

И ты чувствуешь, наверное, горячее дыхание его. Твои глаза расширяются, твоя юная грудь вздымается дерзко. Ноздри твои вздрагивают, горячечно-влажные руки простираются куда-то в пространство. Падают мещанские маски светлых, ясных дней, и из черной ночи зарождается злая змея. И тогда, сестра, твоя дикая душа выходит наружу, радостная всяким стыдом, полная всякого яда. И из мучений, крови, из поцелуев и сладострастия ликующе хохочет она — кричит, и крики прорезывают и небо и ад... Сестра греха моего, для тебя я написал эту книгу.

**Глава I,
В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ,
КАКОВ БЫЛ ДОМ, ГДЕ ЗАРОДИЛАСЬ МЫСЛЬ
ОБ АЛЬРАУНЕ**

Белый дом, в котором появилась Альрауне тен-Бринкен задолго до рождения и даже до зачатия своего, — дом этот был расположен на Рейне. Немного поодаль от города на большой улице с виллами, которая ведет от старинного епископского дворца, где находится сейчас университет. Там стоял этот дом, и жил в нем тогда советник юстиции Себастьян Гонтрам.

На улицу выходил большой запущенный сад, не выдавший никогда садовника. За ним располагался дом, с которого осыпалась штукатурка, искали звонок, но не находили. Звали, кричали, но никто не выходил навстречу. Наконец, толкали дверь и попадали внутрь, шли по грязной, давно не мытой деревянной лестнице. А из темноты прыгали какие-то огромные кошки.

Или же — большой сад наполнялся маленькими существами. То были дети Гонтрама: Фрида, Филипп, Паульхен, Эмильхен, Иосиф и Вёльфхен. Они были повсюду, сидели на сучьях деревьев, заползали в глубокие ямы. Кроме них, собаки, два дерзких шпица и фокс. И еще крохотный пинчер — адвоката Манасе, маленький, похожий на квитовую колбасу, круглый как шарик, не больше руки. Звали его Циклопом.

Все шумели, кричали. Вёльфхен, едва год от роду, лежал в детской коляске и ревел, громко, упрямо,

целыми часами. И только Циклоп мог взять верх над ним — он выл хрипло, не переставая, не двигаясь с места.

Дети Гонтрама бегали по саду до позднего вечера. Фрида, старшая, должна была наблюдать за другими, смотреть, чтобы братья не шалили. Но она думала: они очень послушны. И сидела поодаль в развалившейся беседке со своей подругой, маленькой княжной Волконской. Обе болтали, спорили, говорили о том, что им скоро исполнится четырнадцать лет и они смогут уже выйти замуж. Или, по крайней мере, найти себе любовников. Но обе были очень благочестивы и решили немного еще подождать — хоть две недели — до конфирмации.

Им дадут тогда длинные платья. Они будут взрослые. Тогда уже можно найти и любовников.

Решение казалось им очень добродетельным. И они думали, что можно пойти сейчас в церковь. Нужно быть серьезными и разумными в эти последние дни.

— Там, наверное, сейчас Шмиц! — сказала Фрида Гонтрам.

Но маленькая княжна сморщила носик:

— Ах, этот Шмиц!

Фрида взяла ее под руку:

— И баварцы в синих шапочках!

Ольга Волконская рассмеялась:

— Баварцы? Знаешь, Фрида, настоящие студенты вообще не ходят в церковь.

И правда, настоящие студенты не делают этого.

Фрида вздохнула. Она быстро двинулась в сторону коляски с кричащим Вельфхеном, на ходу оттолкнув Циклопа, который хотел укусить ее за ногу.

Нет-нет, княжна права: в церковь идти не стоит!

— Останемся здесь, — решила она.

И девушки вернулись в беседку.

У всех детей Гонтрама была бесконечная жажда жизни. Они не знали — но чувствовали, чувствовали в крови своей, что должны умереть молодыми, свежими, в самом расцвете сил, что им дана только ничтожная часть того времени, которое отмерено другим людям. И они старались воспользоваться этим временем: шумели, кричали, ели и упивались досыта жизнью. Вёльфхен кричал в своей коляске, кричал за троих. А братья его бегали по саду, делая вид, точно их четыре десятка, а не четверо. Грязные, оборванные, всегда поцарапанные, с порезанными пальцами, с разбитыми коленями. Когда солнце заходило, дети Гонтрама замолкали. Возвращались в дом, шли в кухню. Проглатывали кучу бутербродов с ветчиною и колбасой и пили воду, которую высокая служанка слегка подкрашивала красным вином. Потом она их мыла. Раздевала, сажала в корыто, брала черное мыло и жесткие щетки. Чистила их, точно пару сапог. Но дочиста они никогда не отмывались. Они только кричали и возились в деревянных корытах.

Потом, смертельно усталые, ложились в постель, падали, будто мешки с картофелем, и лежали неподвижно. Вечно забывали они прикрыться. Это приходилось делать служанке.

* * *

Почти всегда в это время появлялся адвокат Манассе. Подымался по лестнице, стучал палкой в дверь; не получая никакого ответа, он наконец переступал порог.

Навстречу ему выходила фрау Гонтрам. Она была высокого роста, почти вдвое выше Манассе. Тот был

почти карлик, круглый как шар, похожий на свою безобразную собаку Циклопа. Повсюду — на щеках, подбородке и губах — росли какие-то жесткие волосы, а посреди нос — маленький, круглый, словно редиска. Когда он говорил, то тьявкал, как будто хотел поймать что-то ртом.

— Добрый вечер, фрау Гонтрам, — говорил он. — Что, коллеги нет еще дома?

— Добрый вечер, господин адвокат, — отвечала высокая женщина. — Располагайтесь поудобнее.

Маленький Манассе кричал:

— Дома ли коллега? И велите принести сюда ребенка!

— Что? — переспрашивала фрау Гонтрам и вынимала из ушей вату. — Ах так! — продолжала она. — Вёльфхен! Если бы вы клали в уши вату, вы тоже ничего бы не слышали.

— Билла! Билла! Или Фрида! Что вы, оглохли? Принесите-ка сюда Вёльфхена!

Она была еще в капоте цвета спелого абрикоса. Длинные каштановые волосы — небрежно зачесанные, растрепанные. Черные глаза казались огромными, широко-широко раскрытыми. В них сверкал какой-то странный жуткий огонек. Но высокий лоб подымался над впавшим узким носом, и бледные щеки туго натягивались на скулы. На них горели большие красные пятна.

— Нет ли у вас хорошей сигары, господин адвокат? — спросила она.

Он вынул портсигар со злостью, почти с негодованием:

— А сколько вы уже выкурили сегодня, фрау Гонтрам?

— Штук двадцать, — засмеялась она, — но вы же знаете, дрянных, по четыре пфеннига за штуку. Хорошую выкурить приятно. Дайте-ка вот эту, толстую.

Она взяла тяжелую, почти черную «мексико».

Манассе вздохнул:

— Ну что тут поделаешь? Долго будет так еще продолжаться?

— Ах, — ответила она. — Только не волнуйтесь, не волнуйтесь. Долго ли? Третьего дня господин санитарный советник сказал: еще месяцев шесть. Но знаете, то же самое он говорил и два года назад. Я все думаю: дело не к спеху — скоротечная чахотка плетется кое-как, шагом!

— Если бы вы только не так много курили, — твякнул маленький адвокат.

Она удивленно взглянула на него и подняла синеватые тонкие губы над блестящими белыми зубами:

— Что? Что, Манассе? Не курить? Что же мне еще делать? Рожать — каждый год — вести хозяйство — да еще скоротечная — и не курить даже?

Она пустила густой дым прямо ему в лицо. Он закашлялся.

Он посмотрел на нее с удивлением, во взгляде его насмешка мешалась с нежностью. Этот маленький Манассе был нахален, как никто; он никогда не лез за словом в карман, всегда находил резкий удачный ответ. Он твякал, лаял, визжал, не считался ни с чем и не боялся ничего. Но здесь, перед этой изможденной женщиной, тело которой напоминало скелет и лицо улыбалось, точно череп, которая уже несколько лет стояла одной ногой в гробу, — перед ней он испытывал страх. Только неукротимая власть локонов, которые все еще росли, становились крепче и гуще,

словно почву под ними удобряла сама смерть, ровные блестящие зубы, крепко сжимавшие черный окурок толстой сигары, глаза, огромные, без всякой надежды, бессердечные, почти не сознающие даже своего сверкающего жара, — заставляли его замолкать и делали его еще меньше, чем он был, меньше даже, чем его собака.

Он был очень образован, этот адвокат Манассе. Они называли его ходячей энциклопедией, и не было ничего, чего бы он не знал. Сейчас он думал: она говорит, что смерть ее не пугает. Пока она жива, той нет, а когда та придет, ее уже не будет.

А он, Манассе, видел прекрасно, что, хотя она еще и жива, смерть уже здесь. Она давно уже здесь, она повсюду в доме. Она играет в жмурки и с этой женщиной, которая носит ее клеймо, она заставляет кричать и бегать по саду ее обреченных детей. Правда, она не торопится. Идет медленным шагом. В этом она права. Но только так — из каприза. Только так — потому что ей доставляет удовольствие играть с этой женщиной и с ее детьми, как кошке с золотыми рыбками в аквариуме.

«Ох, еще далеко!» — говорит фрау Гонтрам, которая лежит целые дни на кушетке, курит большие черные сигары, читает бесконечные романы и закладывает уши ватой, чтобы не слышать крика детей. Ох, да правда ли далеко? «Далеко?» — ослабилась смерть и захохотала пред адвокатом из этой страшной маски — и пустила ему прямо в лицо густой дым.

Маленький Манассе видел ее, видел отчетливо, ясно. Смотрел на нее и думал долго: какая же это, в сущности, смерть? Та, что изобразил Дюрер? Или Беклин? Или же дикая смерть-арлекин Босха или

Брейгеля? Или же безумная, безответная смерть Хогарта, Гойи, Роландсона, Ропса или Калло?

Нет, ни та, ни другая, ни третья. То, что было перед ним, — с этой смертью можно поладить. Она буржуазно добра и к тому же романтична. С ней можно поговорить, она любит шутки, курит сигары, пьет вино и может хохотать.

«Хорошо, что она еще курит! — подумал Манасе. — Очень хорошо: по крайней мере, не чувствуешь ее запаха...»

* * *

Показался советник юстиции Гонтрам.

— Добрый вечер, коллега! — сказал он. — Вы уже здесь? Как хорошо.

Он начал рассказывать какую-то длинную историю — подробно обо всем, что произошло сегодня в его бюро и на суде.

Всё только необычные удивительные истории. Что у других юристов случается, быть может, раз в жизни, у Гонтрама происходило чуть ли не каждый день. Редкие и странные случаи, иногда веселые и довольно смешные, иногда же кровавые и в высшей степени трагические.

Одно только — в них не было ни единого слова правды. Советник юстиции испытывал почти такой же непобедимый страх перед правдой, как перед купанием и даже как перед простым тазом с водой. Едва он открывал рот, как начинал врать, а во сне ему снилась новая ложь. Все знали, что он врет, но слушали очень охотно, потому что вранье его добродушно и весело, и если ничего подобного с ним не случалось, то надо отдать справедливость: рассказчик он был хороший.

Ему было лет за сорок: седая короткая борода и редкие волосы. На длинном черном шнулке — золотое пенсне, которое всегда криво сидело на носу; через него глядели голубые близорукие глаза. Он был неряшлив, грязен, немыт, всегда с чернильными пятнами на пальцах.

Он был плохим юристом и принципиально восставал против любой работы. Ее он поручал своим референдариям — но они ничего не делали. Только поэтому они и поступали к нему и целыми неделями даже не показывались в бюро. Он поручал работу заведующему бюро и писцам, которые тоже по большей части спали, а когда просыпались, чаще писали одно только слово «оспариваю» и ставили под ним штемпель советника юстиции.

Тем не менее у него была очень хорошая практика, гораздо лучше, чем у знающего, остроумного и делового Манассе. Он был близок к народу и умел говорить с людьми. Его любили судьи и прокуроры, он никогда не доставлял им никаких трудностей, позволяя идти делу своим чередом. На суде и перед присяжными он был истинным золотом, — это все знали прекрасно. Один прокурор заявил даже как-то: «Я прошу дать обвиняемому снисхождение. Его защищает господин советник юстиции Гонтрам».

Снисхождения для клиентов он добивался всегда. Манассе же это удавалось очень редко, несмотря на познания и умные, тонкие речи.

Кроме того, еще одно обстоятельство. У Гонтрама было в прошлом несколько крупных, заметных процессов, которые прогремели по всей стране. Он занимался ими много лет, провел через инстанции и в конце концов выиграл. В нем пробудилась тогда какая-то

странная, долгое время дремавшая энергия. Его вдруг заинтересовала эта замысловатая история, этот шесть раз проигранный, почти безнадежный процесс, переходивший из одного суда в другой, — процесс, где приходилось разбирать целый ряд запутанных международных вопросов, о которых — кстати сказать — он не имел ни малейшего представления. Несмотря на очевидные улики, на четыре разбирательства, ему удалось добиться оправдания братьев Кошен из Ленепа, трижды приговоренных к смертной казни. А в крупном миллионном споре свинцовых рудников Нейтраль-Моренэ, в котором не могли разобраться юристы трех государств — а Гонтрам, разумеется, меньше всех, — он все-таки одержал в конце концов блистательную победу. Теперь уже года три он вел крупный бракоразводный процесс княгини Волконской.

И замечательно: этот человек никогда не говорил о том, что он действительно сделал. Каждому, с кем он встречался, он врал про свои бесконечные юридические подвиги — но ни словом не упоминал о том, что ему действительно удалось. Таков уж он был: он ненавидел всякую правду.

Фрау Гонтрам сказала:

— Сейчас подадут ужинать. Я велела приготовить для вас немного крющона и свежего вальдмейстерского. Не пойти ли мне переодеться?

— Не надо, — решил советник юстиции. — Манассе не будет ничего иметь против! — Он перебил себя: — Господи, как кричат дети! Пойди успокой их немного!

Тяжелыми медленными шагами фрау Гонтрам пошла исполнять его просьбу. Отворила дверь в перед-

ную комнату: там служанка качала колыбель. Она взяла Вёльфхена на руки, принесла в комнату и посадила на высокий детский стульчик.

— Ничего удивительного, что он так кричит! — спокойно сказала фрау Гонтрам. — Ребенок весь мокрый. — Она не подумала даже о том, чтобы его переложить. — Тише, чертенок, — продолжала она, — не видишь разве, у нас гости!

Но Вёльфхен нисколько не считался с гостем. Манассе встал, похлопал его по плечу, потрепал по толстой щечке и подал ему большую куклу. Но ребенок бросил игрушку и продолжал орать благим матом. Под столом аккомпанировал ему диким воем Циклоп.

Мать не выдержала:

— Подожди, чертенок. Я знаю, чем тебя успокоить. — Вынула изо рта черный изжеванный окурочек сигары и сунула в губы ребенка. — Ну, вкусно? А?

Ребенок мгновенно замолк, сосал окурочек и радостно смотрел большими смеющимися глазенками.

— Вот видите, господин адвокат, как нужно обходиться! — сказала фрау Гонтрам. Она говорила самоуверенно и вполне серьезно. — Вы, мужчины, не умеете обращаться с детьми.

Вошла служанка, доложила, что стол накрыт. Потом, когда господа отправились в столовую, она подошла к ребенку.

— Фу, гадость! — закричала она и вырвала у него изо рта окурочек.

Вёльфхен тотчас же опять заорал. Она взяла его на руки, стала качать, запела грустные песни своей валлонской родины. Но ей так же не повезло, как и Манассе: ребенок не переставал кричать. Тогда она снова подняла окурочек, плюнула на него, обтерла грязным

кухонным передником, стараясь погасить все еще тлевший огонь. И сунула наконец в красные губки Вёльфхена.

Потом взяла ребенка, раздела, вымыла, надела на него чистое белье и уложила в постель. Вёльфхен успокоился, дал себя вымыть. И заснул с довольным видом, все еще держа грязный черный окурочок в губах.

О, как была права фрау Гонтрам. Она умела обходиться с детьми, по крайней мере со своими.

А в столовой ужинали, и советник юстиции начал свои бесконечные повести. Выпили сначала легкого красного вина. И только на десерт фрау Гонтрам подала крүшон. Ее муж соорудил недовольную физиономию.

— Влей хоть немного шампанского, — сказал он.

Она только покачала головой:

— Шампанского больше нет, всего одна бутылка.

Он удивленно посмотрел на нее через пенсне:

— Ну, знаешь ли, и хозяйка же ты! Нет шампанского, а ты не говоришь мне ни слова! Скажите пожалуйста! В доме ни капли шампанского! Вели хоть подать Роммегу. Хотя и жалко его для крүшона!

Он продолжал пожимать плечами.

— Ни капли шампанского! Скажите на милость! — повторял он. — Нужно сейчас же раздобыть. Жена, принеси-ка перо и бумагу. Я напишу княгине.

Но когда бумага была перед ним, он ее отодвинул от себя.

— Ах, — вздохнул он, — я столько сегодня работал. Напиши-ка, жена, я продиктую.

Фрау Гонтрам не двинулась с места. Писать? Только этого не доставало!

— И не подумаю даже, — сказала она.

Советник юстиции посмотрел на Манассе:

— Коллега, не могли бы вы мне оказать небольшую услугу? Я так страшно устал.

Маленький адвокат негодуяюще поднял глаза.

— Страшно устал? — захохотал он. — От чего же? От бесконечных рассказов? Хотелось бы знать, откуда у вас всегда чернила на пальцах! Ведь не от писания, конечно!

Фрау Гонтрам рассмеялась:

— Ах, Манассе, это еще с Рождества — он подписывал тогда табели детям! Впрочем, что вы спорите? Пусть Фрида напишет.

Она подошла к окну и крикнула Фриду.

Пришла Фрида вместе с Ольгой Волконской.

— Как мило, что ты тоже здесь! — поздоровался с ней советник юстиции. — Вы уже ужинали?

Да, девушки ужинали внизу на кухне.

— Садись-ка, Фрида, — сказал отец, — вот сюда. — (Фрида повиновалась.) — Вот так! Ну а теперь возьми перо и пиши, что я тебе продиктую.

Но Фрида была истинное дитя Гонтрама, она не навидела писание. И тотчас же вскочила с места.

— Нет-нет! — закричала она. — Пусть Ольга напишет, она умеет лучше меня.

Княжна стояла возле дивана. Она тоже не хочет. Но у подруги было средство заставить ее.

Это помогло. Послезавтра был день исповеди, а список грехов княжны еще далеко не полон. Грешить перед конфирмацией нельзя, но каяться все-таки необходимо. Нужно обдумывать, вспоминать и искать, не найдется ли хоть какой-нибудь грех. Этого княжна совсем не умела. Зато Фрида была очень искусна. Ее список грехов представлял предмет зависти всего класса, особенно легко выдумывала она

греховные мысли, сразу дюжинами. Это было у нее от отца: она могла выложить сразу целый ворох грехов. Но зато если действительно грешила, то уже пастор никогда не узнал бы об этом.

— Пиши, Ольга, — шепнула она, — я одолжу тебе восемь хороших грехов.

— Десять, — потребовала княжна.

Фрида Гонтрам утвердительно кивнула: ей было безразлично, она согласилась бы и на двадцать, только чтобы не писать.

Ольга Волконская села к столу, взяла перо, вопросительно посмотрела на Гонтрама.

— Ну так пиши! — сказал тот. — Многоуважаемая княгиня...

— Это маме? — спросила княжна.

— Понятно! Кому же еще? Пиши же! «Многоуважаемая княгиня...»

Но княжна не писала:

— Если это маме, так ведь я могу написать: «Милая мама!»

— Пиши что хочешь, только пиши.

И она начала: «Милая мама!»

И дальше под диктовку советника юстиции: «К великому сожалению, должен известить, что ваше дело подвигается медленно. Мне приходится много раздумывать, а думать очень трудно, когда нечего пить. У нас в доме нет больше ни капли шампанского. Будьте добры поэтому в интересах вашего процесса прислать нам корзину шампанского для крющона, корзину Роммегу и шесть бутылок...»

— «Сен-Морсо!» — воскликнул маленький адвокат.

— «...„Сен-Морсо“, — продолжал советник юстиции. — Это любимая марка коллеги Манассе, которая помогает мне иногда в вашем деле.

С наилучшими пожеланиями ваш...»

— Ну вот видите, коллега, — заметил он, — как вы ко мне несправедливы! Мне не только приходится диктовать, но я еще должен собственноручно подписывать!

И он подписал письмо.

Фрида отошла к окну:

— Вы готовы? Да? Ну так я вам скажу, не нужно никакого письма. Только что подъехала Ольгина мама и идет сейчас по дорожке сада.

Она давно заметила княгиню, но молчала и не прерывала письма. Если уж она даст хороших грехов, то пускай хоть другие поработают. Таковы были все Гонтрамы — и отец, и мать, и дети: они очень не любили работать, но охотно смотрели, как работают другие.

Вошла княгиня, толстая, рыхлая, с огромными бриллиантами на пальцах, в ушах и в волосах — в общем, очень буржуазного вида. Она была какой-то венгерской графиней или баронессой и где-то на Востоке познакомилась с князем. Что они поженились — несомненно. Но несомненно и то, что с первого же дня оба стали мошенничать. Ей хотелось настоять на законности брака, который по каким-то причинам с самого начала был невозможен, а князь, считавший его вполне возможным, старался изо всех сил воспользоваться пустыми формальностями и сделать его незаконным. Сеть лжи и наглого шантажа — прекрасное поле действий для Себастьяна Гонтрама. В этом процессе все было шатко, ничего определенного, малейшее упущение тотчас использовалось противоположной стороной, — всякая законность сейчас же опровергалась законами другой страны. Одно несомненно: маленькая княжна — князь и княгиня признавали себя отцом и матерью, и каждый требовал Ольгу себе — этот

плод странного брака, которому должны были достаться миллионы. В данное время на стороне матери шансов оказывалось больше.

— Садитесь, княгиня! — Советник юстиции скорее откусил бы себе язык, чем сказал этой женщине «ваше сиятельство». Она была его клиенткой, и он не обращался с ней ни на йоту почтительнее, чем с простой мужичкой. — Снимите шляпу! — Он ей даже не помог!

— Мы только что написали вам письмо, — продолжил он. И подал послание.

— Ах, пожалуйста! — воскликнула княгиня Волконская. — Конечно-конечно! Завтра же утром все будет доставлено! — Она открыла сумочку и вынула большое толстое письмо. — Я, собственно, к вам по делу. Вот письмо от графа Ормозо, знаете...

Гонтрам наморщил лоб: только этого недоставало! Сам император не мог бы заставить его работать, когда он сидел вечером дома. Он встал, взял письмо.

— Хорошо, — сказал он, — хорошо, мы рассмотрим его завтра в бюро.

Она воспротивилась:

— Но ведь оно спешное, важное...

Советник юстиции перебил:

— Спешное? Важное? Скажите на милость, откуда вы знаете, что оно спешное и важное? Вы понятия не имеете! Только в бюро мы можем выяснить это. — И затем тоном снисходительного упрека: — Княгиня, ведь вы интеллигентная женщина! Получили кое-какое воспитание! Вы должны бы знать, что людей не обременяют делами вечером, когда они дома.

Она продолжала настаивать:

— Ведь в бюро я вас не застаю. На этой неделе уже четыре раза была там...

Он рассердился:

— Так приходите на будущей неделе! Неужели вы думаете, что у меня одно ваше дело? Вы думаете, мне ни о чем другом и поразмышлять не нужно? Сколько времени отнимает у меня этот разбойник Гутен! А там ведь дело о человеческой жизни, а не о каких-то миллионах!

Он начал рассказывать бесконечную историю про замечательного атамана разбойничьей шайки, который, между прочим, был плодом его фантазии, и о юридических подвигах, совершенных им в защиту несравненного убийцы, который убивал женщин лишь из сладострастия.

Княгиня вздохнула, но все-таки слушала, по временам смеялась, всегда там, где не нужно. Она была единственной из его многочисленных слушателей, которую не удивляла его ложь, — но зато она была и единственной, не понимавшей его остро.

— Миленький рассказ для девочек! — протявкали адвокат Манассе.

Обе девочки жадно слушали рассказ и смотрели на Гонтрама, широко раскрыв глаза и рты.

Но тот не унимался:

— Ах, что там! Им нужно знакомиться с жизнью.

Он говорил таким тоном, точно убийца женщин был самое обыденное явление и такие преступники попадают на каждом шагу.

Наконец он закончил и посмотрел на часы:

— Уже десять! Вам пора спать! Выпейте-ка по стакану крющона.

Девочки выпили, но княжна заявила, что ни в каком случае не вернется домой. Она боится, она не сумеет спать одна. Не ляжет она и со своей мисс... Быть может, и та переодетый убийца. Она останется у подружки.

У матери она даже не спросила позволения. Спросила только у Фриды и у фрау Гонтрам.

— Пожалуйста! — сказала фрау Гонтрам. — Но не проспите, ведь вам надо рано вставать, чтобы успеть в церковь!

Девочки сделали книксен и вышли из комнаты. Под руку, тесно обнявшись.

— Ты тоже боишься? — спросила княжна.

Фрида ответила:

— Папа врал!

Тем не менее она все же боялась. Боялась — и испытывала в то же время какое-то странное желание думать об этих вещах. Не переживать их — о нет, конечно нет! Но думать о них и так же рассказывать.

— Ах, вот был бы грех для исповеди! — вздохнула она.

В столовой выпили крюшон. Фрау Гонтрам выкурила последнюю сигару. Манассе встал и вышел в соседнюю комнату. А советник юстиции принялся рассказывать княгине новые истории. Она зевала, прикрывшись веером, но по временам старалась вставить словечко.

— Ах да, — сказала она наконец, — чуть не забыла! Разрешите покатасть завтра вашу жену в коляске? Хоть немного, в Роландзек!

— Конечно, — ответил он, — конечно, если только ей хочется.

Но фрау Гонтрам заметила:

— Я не могу поехать.

— Почему же? — спросила княгиня. — Вам очень полезно подышать свежим воздухом.

Фрау Гонтрам медленно вынула сигару изо рта:

— Я не могу поехать, у меня нет приличного платья...

Княгиня засмеялась, точно сказано было в шутку. Она завтра же утром пришлет модистку с последними весенними моделями.

— Хорошо, — сказала фрау Гонтрам. — Но пришлите тогда Беккер — у нее самые лучшие. — Она медленно поднялась со стула и пристально посмотрела на свой потухший окурочок. — А теперь я пойду спать, спокойной ночи!

— Да-да, уже поздно, я тоже пойду! — поспешно заговорила княгиня.

Советник юстиции проводил ее через сад до улицы, помог сесть в экипаж и тщательно запер калитку.

Когда он вернулся, его жена стояла на крыльце с зажженной свечкой в руках.

— Спать лечь нельзя, — спокойно заявила она.

— Что? — спросил он. — Почему это нельзя?

Она повторила:

— Нельзя. У нас в спальне улегся Манассе.

Они поднялись по лестнице во второй этаж и вошли в спальню. На огромной двуспальной постели мирно и крепко почивал маленький адвокат. На стуле было аккуратно сложено его платье, тут же стояли ботинки. Он достал из комода чистую ночную сорочку и надел ее. Возле него свернулся клубочком Циклоп.

Советник юстиции Гонтрам подошел к нему со свечой.

— И этот человек еще упрекает меня в лени! — сказал он, недоуменно покачав головой. — А сам до того ленив, что не может дойти до дому.

— Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! Ты разбудишь и его, и собаку.

Они достали из комода постельное и ночное белье и сошли вниз. Тихонько, стараясь не шуметь, фрау Гонтрам постелила на диване.

Они заснули.

Эверс Г. Г.

Э 15 Альрауне : История одного живого существа : роман / Ганс Гейнц Эверс ; пер. с нем. М. Кадиша. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-17885-4

Темную прозу Ганса Гейнца Эверса, полную тайн и соблазнов, нередко сравнивали с творениями Лавкрафта и Майринка. Декадент и ницшеанец, завсегдатай злочных заведений и поклонник творчества Оскара Уайльда, Эверс пережил свой краткий триумф, однако после прихода к власти Гитлера его книги были запрещены к печати и писатель умер в глубокой нищете.

Роман «Альрауне» — самое знаменитое произведение Эверса. В нем рассказана «история одного живого существа», странной девушки, появившейся на свет от связи падшей женщины и приговоренного к смерти преступника.

«До чего она ни касалась, все превращалось в золото; куда она ни смотрела, всюду возгорались дикие чувства. Но куда ни проникало ее ядовитое дыхание, всюду вспыхивал грех, и из земли, на которую ступали ее легкие ножки, вырастали бледные цветы смерти».

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

ГАНС ГЕЙНЦ ЭВЕРС

АЛЬБАУНЕ

История одного живого существа

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.02.2020. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



Y-AKB-26454-01-R